

А.В. КИВА

Российская олигархия: общее и особенное

"Олигархи" и "олигархия" - понятия (или псевдопонятия?), которые войдут в историю становления новой России. То, что за ними стояла и стоит определенная реальность, сомнений не вызывает. Сомнения вызывает научная состоятельность подобного определения реально существующего в России явления. Но в то же время тратить силы на поиски точного определения понятия "олигархия" непродуктивно. Марксистская наука олигархическую фазу в развитии капитализма не выделяла, а лишь рассматривала этот феномен, скорее, как надстроечное нежели базисное порождение раннего, незрелого капитализма. Что же касается "буржуазной науки", то олигархия отнюдь не была ее приоритетным интересом. Не будем забывать и то, что в годы противостояния двух мировых систем многие понятия просто подгонялись под интересы идеологической и политической борьбы.

И тем не менее среди советских и западных ученых существовало в чем-то сходное представление об олигархии. (Не исключая и разночтений: советские идеологи основную причину появления олигархии видели в частной собственности, западные авторы — в авторитарном характере режима.) И это не удивительно, поскольку понятие появилось еще в Древней Греции: *ὀλιγ-αρχία* - власть немногих. Большой энциклопедический словарь, изданный еще в советские времена, определяет олигархию как "режим, при котором политическая власть принадлежит узкой группе наиболее богатых лиц". Тут же делается ссылка на понятие "финансовая олигархия". Однако трактовка последнего понятия ("немногочисленная группа крупнейших и наиболее богатых монополистов, олицетворяющих господство финансового капитала") вообще уводит в сторону от понимания понятия "олигархия". В переиздании словаря 1997 года слова "наиболее богатых" опущены, а в скобках добавлено: "богачей, военных и т.д.". Это, по-моему, ближе к раскрытию сути явления. Примерно такое же определение дает Толковый Оксфордский словарь: власть, находящаяся в руках узкой группы лиц.

Забегая вперед, скажу: понятие "олигархия" не раз затрагивалось в ходе обсуждений с зарубежными обществоведами, в которых мне довелось участвовать в последнее время. Все они сходились во мнении, что четких определений нет и что известные миру, так сказать, классические варианты олигархических режимов в Азии и Латинской Америке отличались большим разнообразием. Что же касается России, то

данное явление еще находится в процессе своего развития. Дискуссии вокруг него сильно политизированы, причем не только стараниями российских, но и западных политиков. Поэтому феномен нуждается в дальнейшем изучении и осмыслении.

Обсуждение проблемы олигархии в стенах Института востоковедения РАН

Мое предложение обсудить проблему российской олигархии в стенах моего института многими было встречено скептически. "Да какая это олигархия! - слышал я ответ. - Сменится власть, и от этой олигархии останется только смутное воспоминание". Однако сторонники данной точки зрения участвовали в обсуждении, что лишь придало ему более острый характер. Одни выступавшие говорили, что существуют, так сказать, олигархия и квазиолигархия. В России, скорее всего, речь может идти о квазиолигархии. Другие же высказывались в пользу того, что в каждой стране олигархия по-своему уникальна и российская олигархия как явление уже состоялась. Хотя в данном случае мы имеем иной тип олигархии, нежели в странах Азии или Латинской Америки.

В то же время подчеркивалось, что российская олигархия еще слабо изучена, ибо по историческим меркам она только-только зародилась, в то время как в развивающихся странах олигархия уже либо себя изжила, либо изживает. По мере экономического роста, развития демократии и особенно интернационализации экономических и общественных отношений для олигархии как особого феномена слаборазвитости практически не останется места. Но поскольку востоковеды по преимуществу занимаются развивающимися странами, то говорили они в основном не столько о России, сколько именно об этих странах. Причем большинством указывалось, что понятие "олигархия" в привычном смысле уже вошло в научный оборот и передает реальности, свойственные отдельным странам на этапе незрелого капитализма, отягощенного наследием предыдущей фазы развития. Это может быть наследие и колониализма, и феодализма, и семейно-клановых отношений, и т.д.

Олигархический режим, как правило, держится, образно говоря, на трех - четырех китах. Во-первых, это крупные земельные собственники докапиталистического или раннекапиталистического типа. В Латинской Америке - латифундисты, в странах Азии — помещики, феодалы и т.д. Во-вторых, это нарождающийся многослойный новый правящий класс, представляющий собой уже достаточно обуржуазившихся земельных собственников и правителей традиционного типа, а также связанных с властью финансовых спекулянтов и иных дельцов - нуворишей, коррумпированных чиновников государственных учреждений и т.д. В-третьих, это армия с сильно выраженными кастовыми началами. Офицерский состав традиционно формируется на базе выходцев из крупных земельных собственников, состоятельных слоев населения вообще, а потому между этими слоями и офицерством чаще всего имеется прямая связь. В-четвертых, большую роль в общественной жизни играют кланы, традиционно влиятельные семьи, часто связанные родственными отношениями. Причем влияние семейно-родственных связей и возникающих на этой основе кланов настолько велико, что целыми регионами могут заправлять люди, носящие одну и ту же фамилию. В центре власть сменяется, сменяется и режим, объявляются и проводятся в чем-то революционные реформы, затрагивающие и политическую власть, и сферу собственности, а кланы на местах сохраняются.

В качестве примера приводились Филиппины. Там, в частности, наиболее крупные земельные собственники долгое время имели даже собственные армии, которые отнюдь не всегда были потешными и порой насчитывали тысячи человек. (Некоторые исследователи считают, что в ряде случаев эти армии в каком-то виде существуют и поныне.) Появление частных армий, по-видимому, в решающей мере было связано со слабостью центральной власти, оторванностью многих регионов от центра ввиду их островного положения, наличием в стране вооруженных партизанских и сепаратист-

ских движений. Но, пожалуй, больше всего это связано с глубоко укоренившимися традициями.

Классически олигархической страной в Азии как раз и были Филиппины. В то же время об олигархии можно было говорить применительно к Индонезии в годы правления генерала Сухарто и к Заиру в период президентства Мобуту. Хотя сразу же надо подчеркнуть, что ставить эти три страны в один ряд было бы серьезной ошибкой. Так, на Филиппинах, где большинство населения исповедует христианство и где вообще очень велико влияние католической церкви, вполне уживаются современность и архаика, демократия и авторитаризм, делая общественные отношения достаточно терпимыми, мягкими. Даже в периоды революционных потрясений они редко ожесточались настолько, чтобы выливаться в кровопролития. (Притом что на окраинах страны левацкие элементы и мусульманские сепаратисты могут вести партизанскую войну.)

В мусульманской же по преимуществу Индонезии любые серьезные потрясения, как правило, заканчиваются кровью, погромами по отношению к процветающей китайской общине, занимающей сильные позиции в экономике страны. Соответственно, там лик олигархии совершенно иной, иная и основа ее возникновения.

В Индонезии решающую роль играла не столько традиция, сколько сила. После прихода к власти военных во главе с генералом Сухарто (как результат неудачного государственного переворота, затеянного в 1965 году левыми силами и обернувшегося гибелью от полумиллиона до миллиона по большей части ни в чем не повинных людей) олигархические отношения стали возникать на основе реальной власти военных в центре и на местах. Назначаемые на высокие административные посты генералы и офицеры стали фактически явочным порядком перераспределять в свою пользу часть общественного продукта в результате казнокрадства, коррупции, но особенно за счет китайской общины. Боясь очередных погромов, бизнесмены из этнических китайцев под давлением и даже по собственной инициативе приглашали высоких военных чинов, занимавших ключевые административные посты, в члены советов директоров, в качестве консультантов и пр., создавали с их участием совместные предприятия, давали им ничем не закамуфлированные взятки и пр.

Для почти всех олигархий характерны:

- большее или меньшее влияние на политику страны нелегитимных органов власти;
- способность олигархических группировок к трансформации и адаптации к новым политическим и экономическим условиям;
- наличие в правящем клане противоречивых тенденций и интересов, выливающихся нередко в острые противоречия вплоть до открытых столкновений;
- особая роль в правящем клане узкого круга лиц, связанных между собой тесными узами, в первую очередь экономическими интересами;
- проявление семейственности - "соправителями" чаще всего выступают жены, дочери, другие ближайшие родственники;
- расцвет коррупции.

Олигархические режимы могут существовать как в открыто авторитарных формах, так и при формально демократических конституциях. Например, режим Мобуту был откровенно диктаторским. Режим Сухарто в Индонезии - жестко авторитарным, или режимом так называемой направляемой демократии. Расцвет же олигархии на Филиппинах пришелся на период, когда в стране функционировала вполне демократическая конституция, скопированная с американской (что не удивительно, поскольку испанское господство в этой стране в 1904 году уступило место американскому, которое длилось вплоть до 1946 года), существовал двухпалатный парламент, всенародным голосованием избирались президенты и т.д.

Однако едва ли не во всех случаях олигархический клан опирается на поддержку армии, полиции и службы безопасности, он держит под своим контролем прессу. Именно при опоре на армию избравшийся президентом Филиппин в 1965 и 1969 годах Ф. Маркое в 1972 году ввел в стране чрезвычайное положение, распустил парламент и политические партии, установив откровенно авторитарный режим. Выдвинув про-

грамму построения "нового общества" и действительно начав ряд серьезных политико-административных и социально-экономических реформ, направленных на модернизацию страны. Маркос нанес удар по институту частных армий, по старому олигархическому клану, выросшему в основном в лоне докапиталистических общественных отношений, но в то же время фактически создал новый олигархический клан по преимуществу на буржуазной социально-экономической основе. Виднейшую роль при этом играла его жена И. Маркое. Пример наворованных миллиардов долларов четой Маркое стал своего рода знаковым в истории коррупционных режимов Азии. По некоторым подсчетам, семейство Маркое наворовало у государства от 4 до 12 млрд долл.

При президенте К. Акино, которую у нас многие представляли как борца за свободу и народные интересы, все или почти все вернулось на круги своя, ибо она сама была теснейшим образом связана с кланами. Точнее, при смене власти на Филиппинах одни кланы потеснили другие, олигархия же как была, так и осталась. Некоторые специалисты по Филиппинам утверждают, что самую здоровую, если так можно сказать, для страны политику проводил следующий президент - генерал Ф. Рамос. Может быть, потому, что он как раз меньше всего был связан с кланами. Возможно, именно это сыграло свою роль в том, что Филиппины сравнительно легко перенесли так называемый азиатский финансовый кризис [1]. Но и он не смог справиться с олигархией. Что сможет сделать сменивший его в 1998 году бывший артист Д. Эстрада, покажет будущее.

Но самое удивительное, что неистребимая даже в ходе сравнительно быстрой модернизации страны филиппинская олигархия, черпающая силы в глубоко укоренившихся семейно-родственных и клановых отношениях, в традициях и привычках, не только не агрессивна. Она вполне уживается с либерально-демократическими порядками. Как утверждают специалисты, на Филиппинах больше реальной демократии, чем в нынешней России. Думается, такое может происходить только в странах Востока с сильными пережитками традиционной этики и морали. "Живи сам и давай жить другим" - этот широко распространенный в США принцип как будто был перенесен на филиппинскую почву и там преобразован на свой лад. В результате еще недавно ругаемое на все лады семейство Маркоса отнюдь не чувствует себя изгоем в своей стране.

Но есть и прямо противоположный пример: ограбление Заира кланом генерала Мобуту довело дело до кровопролитной гражданской войны. О богатствах Мобуту, который при непосредственной опоре на армейскую верхушку правил Заиром более 30 лет, слагались легенды. Впрочем, грабеж Заира кланом Мобуту по масштабам ни в какое сравнение не идет с разворовыванием Индонезии семейством генерала Сухарто, тоже правившего более 30 лет, правда, в стране с неизмеримо большим по численности населением и неизмеримо более богатой по возможностям.

Слово "семья" в Индонезии произносилось так же часто, как ныне в России. Кроме жены богатейшими людьми страны стали сыновья и дочери, многочисленные родственники президента Сухарто. По некоторым данным, в руках "святого семейства" оказалось активов и собственности на 40 млрд долл. Результат оказался примерно тем же, что и в Заире: страна рухнула при первом же серьезном испытании. Хотя правда и то, что испытание мировым финансовым кризисом для Индонезии, по уровню развития резко уступавшей своим соседям, в том числе Филиппинам, оказалось не просто тяжелым, а тяжелейшим [2].

Финансовый коллапс августа 1998-го: конец российской олигархии или мощный стимул для ее трансформации?

Очевидно, никому не надо объяснять, что демократия, под флагом борьбы за которую в годы горбачевский перестройки выросло мощное демократическое движение в России, и олигархия - вещи трудно совместимые. Почему в конце XX века у нас появился этот феномен прошлых веков, феномен незрелого и болезненно разви-

вающегося капитализма, как и сам "дикий капитализм", - вопрос, требующий специального рассмотрения. Здесь же нас интересует только олигархия. Впервые о ней в России заговорили вскоре после того, как президент Б. Ельцин, силовым путем ретин в свою пользу проблему двоевластия, фактически создал в стране режим личной власти.

К слову сказать, безбрежные властные полномочия Ельцина как президента по принятой в декабре 1993 года Конституции не то что не вызвали беспокойства в демократических кругах. Этот факт поначалу скорее расценивался как победа демократических сил. Демократическая общественность находилась под сильным впечатлением противоборства власти президента и Верховного Совета РСФСР, противоборства, приведшего в конечном итоге к двоевластию и грозившего новой большой гражданской войной. При этом исполнительная власть во главе с Ельциным была знаковой фигурой демократических реформ, в то время как законодательная власть (поначалу в лице Верховного Совета, а потом и Государственной Думы) ассоциировалась с сопротивлением этим реформам. Большинству демократов тогда представлялось, что чем больше будет власти у приверженного демократическим реформам президента, тем успешнее пойдут эти реформы, тем скорее станут необратимыми перемены в России.

Боязнь реставрации коммунистических порядков у политически неопытных российских демократов не оставляла места для исторических аналогий по поводу развращающей роли власти вообще и в особенности власти необъятной, без реальных сдержек и противовесов. Демократическая интеллигенция начала осознавать негативные стороны сверхвласти президента только после начала вступления федеральных войск в Чечню в декабре 1994 года. Но все та же боязнь реставрации реального социализма, помноженная на усилия государственного аппарата, огромные денежные средства и новые избирательные технологии (которые, по мнению видных психологов, способны давать повышение рейтинга до 15%), побудила не только большую часть демократической интеллигенции, но и миллионы представителей широких слоев населения голосовать на президентских выборах 1996 года не за "хорошего коммуниста" Г. Зюганова, а за "плохого демократа" Ельцина.

Первые упоминания о российской олигархии, скорее, были журналистской метафорой или приемом политической борьбы, нежели констатацией факта или актом провидения. Олигархами называли кого угодно - и видного нувориша, и президентского охранника А. Коржакова, и руководителя крупной государственной компании. Конечно, можно сказать - и некоторые аналитики действительно это говорят, - что предпосылки олигархии закладывались уже в последние годы горбачевской перестройки. В попытках заставить социалистическую экономику обслуживать реальные потребности людей стали приниматься законы, позволявшие создавать разного рода кооперативы при государственных предприятиях, обналичивать безналичные деньги и т.д. Это позволило нечестным управленцам и разного рода жуликам перекачивать средства из государственного сектора в ставшую расти как на дрожжах теневую экономику. Последняя же служит фундаментом олигархии. Ведь теневая экономика - благодатная почва для развития коррупционных и криминальных связей, для их тесного переплетения, а в конечном итоге и выхода полукриминального и криминального бизнеса на государственных чиновников самого высокого уровня. В последние годы перестройки начали возникать и первые коммерческие банки, руководителями которых часто становились комсомольские работники, накопившие опыт предпринимательской деятельности в ходе работы в так называемых комсомольских стройотрядах, и т.д.

Сторонники этой точки зрения считают, что корни олигархии следует искать еще в советском периоде российской истории, в частности указывая на многих нынешних банкиров, называемых или называвшихся олигархами, которые как раз в тот период сколотили первоначальный капитал. Это и М. Ходорковский, и Б. Березовский, и многие другие. Когда начались "шоковая терапия" по Е. Гайдару и приватизация по

А. Чубайсу, нувориши уже были готовы не только к тому, чтобы умело воспользоваться начавшимися революционными изменениями в отношениях собственности. Они уже были способны к тому, чтобы направлять эти реформы в собственных интересах. Причастность непосредственно к реформированию страны одних нуворишей, связи других с "младореформаторами", а третьих - с Кремлем позволили всем буквально за несколько лет пройти такой путь к богатству и политическому влиянию, какой в других странах нувориши проходили за десятки, а то и сотни лет.

Можно сказать и другое, причем с не меньшей степенью убедительности. Олигархию в России породили невиданное по масштабам перераспределение финансовых ресурсов в пользу все тех же нуворишей в ходе "шоковой терапии" и бума строительства финансовых пирамид и столь же невиданный молниеносный передел гигантской общественной собственности. Западные аналитики подсчитали, что именно в этот период в бывшем советском обществе произошло колоссальное социальное расслоение, появились поясы запредельной нищеты, охватывающие десятки миллионов людей.

Но как бы то ни было, первые весомые признаки возникновения в России олигархии дали о себе знать лишь в марте 1996 года. Именно тогда появилось так называемое "Заявление тринадцати" - обращение тринадцати самых влиятельных банкиров и руководителей финансово-промышленных групп. В нем в несколько туманной и сбивчивой форме все ветви власти и все влиятельные политические силы призывались к сотрудничеству и даже возможному переносу президентских выборов ради сохранения общественной стабильности. В обществе подобное заявление было встречено с непониманием, а среди политической элиты - весьма критически. Причем его критиковали как коммунисты, так и либерал-демократы.

Но подобная реакция объяснялась тем, что лишь немногие активно вовлеченные в политику люди знали то, что знали капитаны российского бизнеса, а именно: Ельцин, имея в начале года рейтинг в 3-4% и считая себя неконкурентоспособным в ходе предстоящих президентских выборов, готовился их отменить [3]. В то же время только узкому кругу политиков и политологов было известно, что на ежегодном совещании лидеров мирового бизнеса и влиятельных политиков в швейцарском городе Давосе в феврале 1996 года российские капитаны бизнеса, до того враждовавшие между собой, решили объединить свои усилия ради победы Ельцина на предстоящих выборах.

Это, очевидно, стало и первым серьезным свидетельством формирования в России олигархии, и мощным стимулом самого процесса. Знаменитый лозунг специалистов избирательных технологий, работавших на Кремль, "Голосуй - или проиграешь!" как нельзя лучше передавал настроения верхушки "новых русских": для них проигрыш Ельцина означал бы собственный проигрыш. Ибо практически любой новый человек в кресле президента потребовал бы пересмотра по крайней мере наиболее скандальных случаев откровенно жульнической приватизации, когда, например, государственная собственность, оцениваемая в миллиарды долларов, приобреталась за несколько миллионов. Тем более что в то время наиболее вероятным "новым человеком" представлялся коммунист Зюганов.

Однако окончательно олигархия в России оформилась уже после президентских выборов. Вложившие в ельцинскую избирательную кампанию немалые ресурсы, как финансовые, так и информационные и интеллектуальные, банкиры, все те, кто активно содействовал его победе, потребовали компенсации. Переизбранный президент удовлетворил практически все их требования. (Скорее, даже не он сам, ибо он надолго вышел из строя в результате тяжелой болезни, потребовавшей операции на сердце, и последующих осложнений, а те, кто действовал от его имени.) Каждый получил то, что хотел. Кто приумножил собственность, кто получил новые льготы для контролируемых ими СМИ, кто вошел во власть. Можно сделать вывод, что именно в этот период вокруг больного президента начинает формироваться группа очень влиятельных людей, которая чуть позже будет названа "семьей",

Правда ведь в том, что после перенесенной операции работоспособность Ельцина резко упала, и в целом его дееспособность стала вызывать сомнения. Известны случаи, когда он, выступая перед публикой, говорил невпопад, давал невыполнимые обещания, делал политические и иные прогнозы, которые буквально на глазах опровергались жизнью. В этой ситуации кто-то должен был компенсировать его неадекватность как президента с широчайшими властными полномочиями. В то же время это должны были быть особо доверенные люди, перед которыми президент не боялся бы показаться и в периоды своей полной немощи. Отсюда появление дочери, Т. Дьяченко, в качестве советника президента и одного из самых влиятельных членов "семьи", выдвижение на авансцену политики особо доверенного семье Ельциных журналиста В. Юмашева. Но отсюда же и расформирование института помощников президента, и резкое ослабление интеллектуального обеспечения принимаемых президентом решений.

Так или иначе победа фактически уже тяжело больного Ельцина на президентских выборах 1996 года стоила России не только окончательного формирования олигархии. Была разграблена экономика, еще больше пришла в упадок социальная сфера, подорвана способность государства осуществлять конституционные функции социального государства, выполнять обязательства перед своими гражданами.

Исчезла ли олигархия в результате финансовой катастрофы 1998-го?

На этот счет можно повторить, несколько изменив, известные слова М. Твена: слухи о смерти российской олигархии сильно преувеличены. Да, "семибанкирщины", как она заявила о себе в период президентских выборов, в России больше нет. Во-первых, целый ряд олигархов стали, так сказать, экс-олигархами. Полностью обанкротился некогда влиятельный Инкомбанк во главе с В. Виноградовым. Сильные потери понес ОНЕКСИМбанк, некогда управляемый В. Потаниным, немалые трудности испытывают Медиа-Мост В. Гусинского, СБС-Агро А. Смоленского и т.д. Но, во-первых, появились новые финансовые и финансово-промышленные магнаты - Р. Абрамович, А. Лебедев, влиятельный в самых высших кругах финансист А. Мамут и некоторые другие.

Во-вторых, не имеем ли мы дело (по крайней мере в ряде случаев) с ложными банкротствами, диктуемыми элементарным нежеланием возвращать деньги вкладчикам? Финансовый скандал с отмыванием "грязных денег" из России в Бэнк оф Нью-Йорк, в ходе которого уже вскрылись имена многих отечественных известных финансистов, наводит именно на эту мысль. Уже названы многомиллиардные суммы "отмытых" в западных банках долларов сомнительного происхождения. Если российская сторона, боясь дальнейших разоблачений коррупции в высших эшелонах власти, не будет сознательно тормозить ход расследования, вскоре все станет на свои места. Возможно, мы узнаем имена еще более могущественных финансовых магнатов, чем те, чье реальное или мнимое разорение в результате мирового финансового кризиса у нас оплакивают близкие олигархам СМИ.

В-третьих, после финансового краха в августе 1998 года резко усилилась регулирующая роль государства в финансово-экономической сфере. И коль скоро высшая государственная власть в России не только служит интересам олигархии, но, по существу, олицетворяет ее, то пока эта власть остается, остается и олигархия. Ведь не секрет, что большинство коммерческих банков появилось на свет как раз при активном содействии государства. Так называемые уполномоченные банки, которые выполняли посредническую роль между государством и клиентом и которые в период высокой инфляции получали огромную прибыль за счет "прокручивания" денег, предназначенных для "бюджетников", пенсионеров и др., - лишь один из способов работы государства на интересы частных банков. На деле же их множеству.

Правительство Е. Примакова сразу же стало негодным российскому спекулятивному финансовому капиталу, как только заявило, что не будет служить его интересам.

Другое дело, что высшая власть, не последовав совету известного экономиста А. Лившица "надо делиться" и взяв ориентацию преимущественно на интересы, очевидно, наиболее близкого ей финансово-промышленного клана Березовского-Абрамовича, вызвала резкое недовольство со стороны других олигархов и экс-олигархов. Но это, по существу, скандал в собственном семействе. Он то разгорается, то стихает.

В-четвертых, резко возросла и роль "семьи" как в принятии важных государственных решений, так и в качестве регулятора финансовых потоков. Как бы то ни было, после финансового краха ресурсов у государства стало меньше, а платить по долгам надо больше, чем прежде. Да и Запад перед лицом разгоревшегося скандала в связи с "отмыванием денег" в Бэнк оф Нью-Йорк, а также с коррупцией в высших эшелонах власти, с одной стороны, ужесточает свои требования к России, а с другой - не спешит предоставлять ей новые займы. Даже для погашения ее долгов, а это постоянно угрожает стране дефолтом с известными последствиями.

Наглядным примером того, как неприкрыто агрессивно действует "семья" ради получения контроля над основными финансовыми потоками страны, может служить отстранение от руководства компанией "Транснефть" (контролирующей практически все российские нефтепроводы и имеющей ежегодный доход около 0,5 млрд долл.) А. Савельева и назначение на его место удобного себе человека. Это не просто было волевым, незаконным актом, но и, по утверждению Савельева, осуществлено под настойчивым давлением Абрамовича, якобы даже прибегавшего к угрозам. Абрамович, по всеобщему мнению, ныне является одним из самых доверенных и влиятельных членов "семьи", более того, входит, так сказать, в самый узкий круг, состоящий лишь из 4 человек. Что-то вроде того, как в составе Политбюро ЦК КПСС была узкая группа особо доверенных Генеральному секретарю людей, принимавших наиболее ответственные решения в период его болезни. Разница разве в том, что Абрамович официально не наделен никакими властными функциями.

А ведь до того как "взяться" за "Транснефть", "семья" уже поставила под свой контроль едва ли не все основные высокодоходные отрасли и компании, включая железнодорожный транспорт, систему электроснабжения. Вне полного контроля "семьи" остался лишь "Газпром". Однако и там она в последнее время усилила свои позиции, и некоторые аналитики полагают, что к президентским выборам и его приберет к рукам. То, зачем это делается, ни для кого не представляет секрета. Сосредоточив в своих руках источники огромных финансовых ресурсов, расставив на ключевых государственных постах своих людей, "семья" имеет возможность расширять круг "своих" людей и воздействовать, в том числе посредством предоставления субвенций, на региональных лидеров, расширять и в регионах круг "своих" людей, устанавливать контроль над все новыми СМИ, ну и, разумеется, получить мощное финансовое обеспечение в ходе парламентских и президентских выборов.

И здесь за примерами не надо далеко ходить. Появление едва ли не в самый канун парламентских выборов нового предвыборного блока "Единство" обязано исключительно стараниям олигарха Березовского, президента и его окружения. В блок вошли прежде всего те региональные лидеры, которые либо больше всех нуждались в финансовой помощи центра, либо чувствовали свою уязвимость перед лицом правосудия. Или такой пример: за очень короткий срок находящийся под следствием по обвинению в экономических преступлениях (и даже скрывавшийся от правосудия за пределами России до смены правительства Примакова и отстранения от должности "несговорчивого" генерального прокурора Ю. Скуратова) Березовский, несмотря на арест его счетов в швейцарском банке, сумел прикупить, как утверждают, на деньги, взятые взаймы у предпринимателя сомнительной репутации израильского гражданина Л. Черного (тоже, кстати говоря, попавшего в поле зрения западных следственных органов по подозрению в отмывании "грязных денег"), газету "Коммерсантъ" и 6-й канал телевидения. Более того, ему, человеку, не обладающему никакой легитимной властью, "чудом" удалось упрочить свое положение на канале ОРТ, в котором контрольным пакетом акций владеет государство. С помощью таких беспринципных и слы-

вущих продажными журналистов, как С. Доренко, этот канал превратился в орудие настоящего информационного террора по отношению к неугодным олигарху политикам. Некоторые из подобранных им "мастеров слова" даже похваляются тем, что являются "политическими киллерами".

В-пятых, возникшая перед "семьей" угроза не только потери приобретенных честными и нечестными путями состояний, но и утраты гарантий безопасности в будущем способствует ее сплочению. А если все то, что на Западе открыто говорят и пишут насчет видных членов президентского окружения, на деле имеет под собой основания, то угроза перед "семьей" вырисовывается довольно серьезная. О коррупции в высших эшелонах российской власти, включая членов семьи президента, уже заговорили официальные лица в странах Запада. Если сначала речь шла только о кредитных карточках швейцарской фирмы "Мабетекс", то во время слушаний в американском Конгрессе дела об "отмывании" денег в Бэнк оф Нью-Йорк первый руководитель этого банка под жестким давлением конгрессменов назвал счета, под которыми стоят фамилии членов семьи президента Дьяченко и Окулова.

Перед лицом этой опасности не только сплывается "семья" как стержневая основа олигархии. Разрастается и "власть немногих", т.е. сама олигархия. В прессе то и дело сообщается о высоких должностных лицах, которых тем или иным способом перетягивает на свою сторону "семья", о неожиданном положительном решении годами не решавшихся проблем в пользу тех или иных губернаторов, иных влиятельных руководителей.

Российская олигархия как уникальное по своей уродливости явление

Уникальность российской олигархии вызвана уже тем, что она появилась не в ходе поступательного исторического процесса, а в результате инверсионного - возвратного - развития. Страна, уже раз достигшая пусть даже нижней планки среднего уровня развития капитализма, пусть только в центре, а не на периферии, в результате краха реального социализма и последующего хаотичного развития, оказалась вынужденной в чем-то возвращаться на исходные позиции. Ведь фазу малоцивилизованного, "дикого капитализма" Россия уже проходила в конце XIX - начале XX века. Уникальность российской олигархии состоит также в том, что она возникла в недрах развитого общества. Какой бы ни была малоэффективной советская экономика, какими бы недостатками ни отличалась ее общественно-политическая система, страна имела практически поголовно грамотное население, огромную армию ученых, передовые технологии, по крайней мере на некоторых ключевых направлениях научно-технической революции, мировые достижения в области науки и техники, а ее достижения в социальной сфере долгое время были предметом зависти даже развитых стран.

Кроме того, российская олигархия оказалась не побочным продуктом капиталистического прогресса, как это происходило в других странах, и даже не побочным продуктом регрессивного развития России в последнее десятилетие, а сама стала одной из кардинальных причин регресса России. Такого в мире еще не наблюдалось. Вот, например, что по этому поводу говорит известный американский профессор, крупнейший специалист по проблемам России и стран СНГ С. Коэн: "По-моему, у вас наблюдается беспрецедентный процесс демодернизации. Если шахтеры, учителя, врачи и другие категории населения не получают зарплату за свою работу - это из эпохи рабства. Когда средний возраст мужчины снизился до 57-58 лет - это уровень не XX а предыдущего века. Если в стране нет инвестиций в промышленность - это тоже не XX век. Если значительная часть среднего класса вынуждена выращивать на дачных и огородных участках продукты для своего питания - разве это XX век? Поэтому я вижу в современной России не переход от худшего к лучшему, а огромные потери утраченные возможности. Все достижения в промышленности, в науке - неважно, при

какой власти они появились, - были достижениями государства. И почему с ними надо было расставаться?" [4].

Вспомним Индонезию: пример тамошней "семьи" - из ряда вон выходящий. Семья Сухарто, а точнее, президентский олигархический клан, как утверждалось в тех же СМИ, "владеет активами, равными половине валового национального продукта Индонезии" [5]. Но при всем этом доходы на душу населения за три десятилетия в Индонезии в среднем выросли в 10 раз, а число людей, живущих за чертой бедности, за тот же период уменьшилось в три раза [5]. Правда, по мере углубления кризиса и роста безработицы доходы индонезийцев стали уменьшаться, а зона бедности расширяться. Тем не менее получается, что олигархия олигархии - рознь. Самая губительная для страны олигархия - та, которая высасывает из нее все соки, не дает ей развиваться.

Я бы указал еще на ряд специфических свойств российской олигархии. Первое. Почва для ее возникновения, безусловно, была заложена в ходе крупномасштабного передела собственности в пользу "нового класса", в основном спекулянтов-нуворишей. Так, за период с 1992 по 1994 год в частные руки перешло не менее 70% собственности страны [5]. К 1996 году олигархия уже сформировалась. В ее основе были крупные банкиры, руководители финансово-промышленных групп, уже сросшиеся с властью, имевшие в своем непосредственном распоряжении ведущие центральные СМИ или оказывавшие на них сильное влияние с помощью тех или иных рычагов, по преимуществу финансовых.

Особо следует отметить, что в тот период российские олигархи пользовались безусловной поддержкой Запада. Правящие круги Запада, США в особенности, как теперь выясняется, были хорошо осведомлены о методах приватизации и фальшивых залоговых аукционах в России, но молчали и даже прятали под сукно соответствующие донесения спецслужб, считая, что любая приватизация государственной собственности, а тем более такая, которая ведет к резкому ослаблению военно-промышленного потенциала России, отвечает их национальным интересам. Кстати, об этом почти открыто заявил президент США У. Клинтон, парируя обвинения со стороны республиканцев в безоглядной поддержке тех в России, кого называли реформаторами.

Однако после финансового коллапса в августе 1998 года "семья" становится едва ли не синонимом олигархии. Многие из тех, кто в 1996 году выступил с инициативой мобилизации всех ресурсов для победы Ельцина на президентских выборах, либо отошли в сторону, либо стали в оппозицию к Кремлю. Если, например, НТВ Гусинского сыграло в 1996 году важнейшую роль в пропагандистской кампании в пользу Ельцина, то теперь оно выступает его резким и умелым критиком. "Семья", становясь все более одиозной в глазах общественного мнения, постепенно уходит во все большую изоляцию. Но одновременно, как ни парадоксально, ее роль в принятии важнейших государственных решений постоянно возрастает. Впрочем, здесь, очевидно, в полную силу проявляет себя закон компенсации: функции тяжело больного президента берет на себя его ближайшее окружение.

Во всяком случае, беспрецедентным для олигархического режима является то, что теневая власть, коей на деле является "семья", сильнее власти официальной. К какой бы стране с олигархическим режимом в прошлом или настоящем мы ни обратились, практически везде сильна официальная власть. Будь то на Филиппинах, в Индонезии, в ряде стран Латинской Америки или в Заире. У нас ситуация иная, и это, очевидно, произошло потому, что принятая в России фактически в экстремальных условиях 1993 года Конституция крайне несбалансирована. С одной стороны, она провозглашает широкие демократические права и свободы граждан, а с другой - наделяя президента почти царскими полномочиями, нарушая святая святых демократии - принцип разделения властей, лишает их, граждан, механизма, с помощью которого можно было бы права и свободы гарантировать. Результатом становится то, что от имени президента, который, кстати сказать, никому не подотчетен, чинят произвол члены его семьи и

лица из ближайшего окружения. По-видимому, забывшись, уже сам пресс-секретарь президента Д. Якушкин на одной из пресс-конференций назвал дочь президента Дьяченко - всего лишь советника президента - одним из самых влиятельных политиков в стране.

Второе. Ни в одной олигархической стране и, наверное, просто ни в одной стране мира нет такой мощной организованной преступности, как в России. Если преступный мир, как следует из некоторых оценок, контролирует примерно 40% экономики, не стоит удивляться ни проникновению криминала во власть, ни криминализации самой власти, ни тому, что весь мир говорит о коррупции в семье президента. Впрочем, вопрос о криминале в России уже рассматривался мною на страницах "ОНС" [6].

В заключение хотелось бы сказать следующее. Не надо быть ни политиком, ни политологом, чтобы не видеть, что высшая власть делает все возможное, чтобы сохранить так называемую преемственность. В понимании Березовского это означает оставить все, как есть: оставить безнаказанными и вопиющие случаи грабительской приватизации, и экономические преступления представителей нынешнего правящего класса. Чтобы этого добиться, нужно так или иначе сохранить власть в руках нынешней правящей верхушки. Сделать это сегодня кажется просто невероятным. Однако, если это в силу стечения каких-то обстоятельств произойдет, мы будем иметь дело с олигархией, перефразируя слова классика, "всерьез и надолго".

Но я оптимист и надеюсь на иной исход. Придет "нормальная власть", и олигархии так или иначе наступит конец. Это может произойти как эволюционным, так и революционным путем. Лучше, конечно, если бы олигархия, лишившись своего оплота в лице "семьи", умерла естественной смертью. Но если она, паче чаяния, прибегнет к Антиконституционным действиям, то всякое возможно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Барышникова О.Г., Левтонова Ю.О., Шабалина Г.С.* Восточная Азия на пороге XXI века // Восток. 1999. № 2.
2. *Федоров В.А.* Армия и модернизация в странах Востока. М., 1999. С. 73-103.
3. Независимая газета. 1999. 23 июля.
4. Известия. 1998. 11 февраля.
5. НГ-политэкономика. 1998. № 7. С. 5.
6. *Кива А.В.* Криминальная революция: вымысел или реальность? // Общественные науки и современность. 1999. № 3.

© А. Кива, 2000